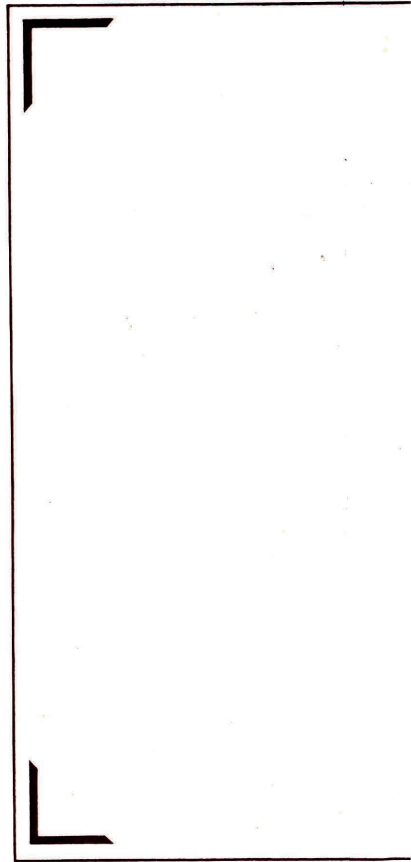

БЕРНАРД
ШОУ

АФОРИЗМЫ

Добровольное общество любителей книги
Молдавской ССР

Б Е Р Н А Р А

Ш О У

А Ф О Р И З М Ы

Кишинев
Издательство «Тимпул»
1985

Автор
вступительной статьи
и составитель —
А. А. Шамшурин
Художник —
Г. Н. Босенко

Добровольное общество любителей книги
Молдавской ССР

Бернард Шоу
АФОРИЗМЫ

Автор вступительной статьи и составитель
Александр Андреевич Шамшурин
Редактор Л. И. Берзан
Художник Г. Н. Босенко
Художественный редактор Е. А. Горбунов
Технический редактор Е. И. Шарканян
Корректор Л. П. Храпа
Н/К

Сдано в набор 31.10.83. Подписано в печать 10.12.84.

АБ 05363. Формат 70x108¹/₆₄.

Бумага мелованная.

Гарнитура журнальная.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,68. Усл. кр.-отг. 7,62. Уч.-изд. л. 2,09.

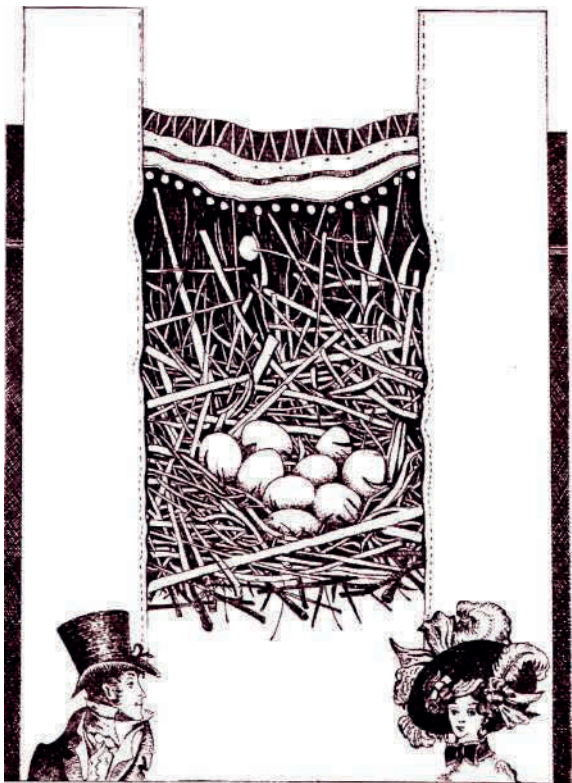
Тираж 2000 экз. Заказ № 32415/1377.

Цена 1 р. 70 к. Заказное

Издательство «Тимпул»,

Кишинев, пр. Ленина, 180.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Кишинев, ул. Берзарина, 35. Изд. № 1377.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>АФОРИЗМЫ</i>	11
<i>Жизнь и мир человека. Общество.</i>	
<i>Труд и праздность. Добро и зло. Мо-</i>	
<i>раль и нравственность. Счастье. Успех</i>	12
<i>Театр. Драматургия. Литература и ис-</i>	
<i>кусство. Творчество. Культура. Обра-</i>	
<i>зование.</i>	26
<i>Наука. Знание. Разум. Мысль. Опыт</i>	42
<i>Любовь. Брак. Мужчины и женщины.</i>	
<i>Семья. Дети. Воспитание.</i>	49
<i>ШОУИЗМЫ</i>	55
<i>ПРИЗНАНИЯ</i>	67

Уже одно упоминание имени великого английского драматурга, комедиографа, сатирика и остроумнейшего человека Джорджа Бернарда Шоу настраивает нас на добрую, располагающую к нему улыбку и ожидание: сейчас сверкнет афоризм, парадокс, экспромт или искрометная шутка, которые путешествуют по всему миру. Людям импонирует его независимость мышления, иронический склад ума, огромный общественный темперамент и человечность.

Бернард Шоу обладал высочайшим искусством афористики и был мастером этого жанра словесного искусства. К какому бы виду его наследия мы ни обратились — пьесам, предисловиям к ним, публицистике, письмам, интервью, мы обнаружим образцы восхитительного интеллектуального озорства. В его речениях, суждениях всегда присутствует очарование смелой непосредственности и неожиданности. Эти неожиданности мы воспринимаем как парадоксы, которые чаще всего замыкаются афоризмом. В форме парадоксов и афоризмов выражают свои мысли, всегда наполненные подтекстом, умнейшие из героев его пьес.

Особенность парадоксов в том, что они идут от отрицания, как бы перевертывают общепринятые мнения, ставят их с ног на голову, выставляя их нелепость и неразумность. Лицемерную мещанскую мораль парадоксалист Шоу разоблачал своим неотразимым метким словом, эмоционально выраженной сентенцией.

Речь Шоу афористична сама по себе. Он не придумывал парадоксы и афоризмы, они рождались из самой системы его мышления и стали особенностью стиля его художественных произведений и публицистики.

Ядро афоризма — это насыщенная мысль, выраженная в виде краткой и образной фразы, изречения, которые хочется запомнить, записать, процитировать. Понятия «афоризм», «афористика» многозначны. К ним обычно относят яркие выражения и фразы («крылатые слова»), сентенции и «мысли вслух». Люди пользуются афоризмами, чтобы подкрепить какие-то свои соображения, выводы и положения, заключить их метким итоговым словом. В. И. Ленин отмечал: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений». (Полн собр. соч., т. 25, с. 138).

Афористичное слово Шоу как беспощадного критика и сатирика, боровшегося за победу добра и разума, по-прежнему актуально. Он вел борьбу за справедливость, против предрассудков, условностей и приви-

легий имущих классов. В этой борьбе Шоу пользовался приемами сатиры, расшатывавшей веру в незыблемость буржуазных порядков. Поэтому так остры и категоричны его афоризмы.

Многое и о многом сказал Шоу в жанре афоризма за свою долгую жизнь. Кажется, в его афоризмах отразились все стороны человеческого бытия. Они до сих пор обогащают наш духовный мир, и многие из них воспринимаются как правила поведения людей. С другой стороны, в афористике Шоу мы часто обнаруживаем подход к сути явления с неожиданным и новым взглядом, зачастую застающим нас врасплох...

Шоу был неунывающим и жизнерадостным человеком. Он любил юмор как некий растворитель глупости и ненависти. А. В. Луначарский называл его «одним из блестящих паладинов смеха в истории человеческого искусства». В ситуациях нападения и самозащиты Шоу вооружался самым безотказным оружием — иронией и смехом. «Веселая вы душа, Шоу», — сказал ему однажды его друг, артист и режиссер Гренвилл-Баркер. У него наготове всегда была остроумная реплика или шутка — то, что правомерно назвать «шоуизмами», то есть речения, отмеченные печатью его яркой индивидуальности

Было бы наивно ставить знак равенства между словами «весело» и «несерьезно». Серьезная мысль Шоу быстрее добирается

до нашего сознания именно дорогой юмора. Да и сам Шоу заявлял: «Моя манера шутить заключается в том, чтобы говорить правду».

Читатели Советского Союза знают Шоу, ценят и любят его творчество, смотрят постановки его пьес. Шоу сразу почувствовал подлинную историческую суть Великой Октябрьской социалистической революции и встал на ее сторону. С тех пор до последнего дня своей жизни он не изменил симпатиям к нашей стране и оставался ее верным другом.

Как-то А. В. Луначарский сказал, что ум Шоу иногда смахивает на некоторый музей, в котором собрана весьма интересная всякая всячина. Из этого «музея», лучше сказать — кладезя «всякой всячины», составитель попытался отобрать по крупицам миниатюры афористического жанра, объединить их в сборник и представить его книголюбам.

АФОРИЗМЫ

1

ЖИЗНЬ И МИР ЧЕЛОВЕКА.
ОБЩЕСТВО.
ТРУД И ПРАЗДНОСТЬ.
ДОБРО И ЗЛО.
МОРАЛЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ.
СЧАСТЬЕ. УСПЕХ

Жизнь — это изумительная тайна.

Истинная радость жизни заключается в отдаче себя на то, что сам считаешь возможной целью.

Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновение, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям.

В жизни то настоящее, что полезно и нужно.

Когда мы перестаем делать, мы перестаем жить.

Есть великие люди среди маленьких людей и есть великие люди среди великих людей.

Есть лишь две категории людей: способные и неспособные.

Жизнь равняет людей, смерть выявляет великих.

Великого человека всегда легче удовлетворить, чем маленького.

Человек — все равно что кирпич: обжигаясь, он становится твердым.

Великого человека вы можете утратить только через вашу собственную, а не его смерть.

Люди, достигающие успеха, — это те, которые встают и ищут нужный им случай.

Истинно великого человека успех не портит.

Успех — это смерть. Что такое вершина? — Последний шаг перед спуском. Благодарю свою звезду за то, что надо мной все еще высятся скалы!

Человек делает не то, что ему хотелось бы, а то, что он может.

Неважно то, как человек умер, важно то, как он жил.

Титулы отличают посредственность, стесняют высокопоставленных и не располагают к себе простых смертных.

Великие люди отказываются от титулов по причине зависти к ним.

Иногда человек придумывает различные

причины для своего оправдания, и в этом заключается трусость.

Ненависть — месть труса за испытанный им страх.

Быть рабом страха — самый худший вид рабства.

Попробуйте назвать человека трусом, и он взбесится от ярости, пойдет навстречу смерти, лишь бы уйти от этой жалящей правды.

Секрет героизма: никогда не позволять страху смерти руководить вашей жизнью.

Опасность всегда грозит тем, кто ее боится.

Когда глупые люди делают что-то, чего они стыдятся, они оправдываются тем, что выполняют свой долг.

Глупые люди даже не представляют всей глупости своих поступков.

Предоставьте человеку возможность — и он сделает все, чтобы навредить себе, а затем будет смеяться над собственной глупостью.

Искренним быть не опасно, если ты к тому же и глуп.

Жизнь не научит, если нет желания поумнеть.

Чем больше человек стыдится, тем более он заслуживает уважения.

Людям льстит уж то, что их считают достойными лести.

Не похвалить достойного из опасения, что он зазнается, так же бесчестно, как не расплатиться со своим кредитором из опасения, что он потратит деньги впустую.

Добродетель состоит не в том, чтобы удерживаться от порока, а в том, чтобы не желать его.

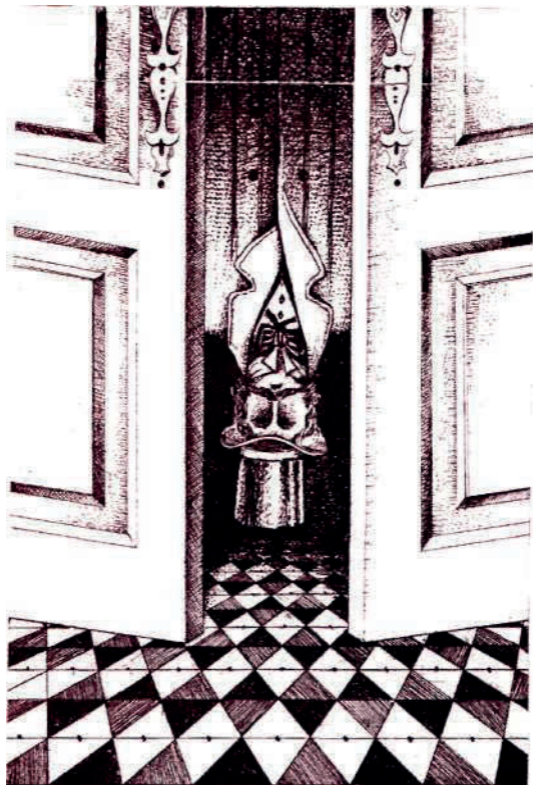
Добродетель заключается не в отсутствии страстей, а в управлении ими.

Свобода означает ответственность. Вот почему многие боятся ее.

Понимающие зло — прощают его, и только чувствующие зло — уничтожают.

Величайшим грехом по отношению к нашим согражданам является не ненависть, а равнодушие. В нем суть бесчеловечности.

Мы все рабы того лучшего, что внутри нас, и того худшего, что снаружи.

Нет совершенно почтенных людей, но каждый настоящий человек имеет главный пункт чести и несколько второстепенных...

Не одежда характеризует человека, она захватывает только то место, которое должно принадлежать человеку.

Не навязывай другим того, чего хотел бы себе: вкусы различны.

Твоя мораль — это твои привычки; не считай других аморальными только потому, что у них другие привычки.

Пристойность — это часто непристойность, вступившая в заговор с молчанием.

Разрушенная репутация подобна разбитой вазе: ее можно склеить, но всегда заметны повреждения.

Наказание лжецу не в том, что ему больше не верят, а в том, что он сам никому не может верить.

Пессимист — это человек, который думает о других так же мрачно, как и о себе, и ненавидит их за это.

Берегитесь человека, который не ответил на ваш удар: он и не простит обиды и не позволит вам простить себя.

Быть несчастным — это когда от безделья раздумываешь, счастлив ты или несчастлив.

Есть две трагедии в жизни человека: одна — когда его мечта не осуществляется, другая — когда она уже осуществилась.

Праздник не будет в радость, если люди праздны; но если они завалены работой — как же им нужно отвлечься!

Жалок человек, не знающий радости.

Жизнь, счастливая или несчастливая, удачная или неудачная, все же исключительно интересна.

В отвратительном и несчастном мире богачи не могут сотворить ничего, кроме того, что приносит людям лишь несчастья.

Политическая машина капитализма не способна произвести социализм так же, как швейная машина — жарить яичницу.

В конце концов самое дорогое и редкое — это счастливые люди. Я друг Советского Союза, потому что его цели, цели Ленина — счастье наибольшего числа людей на этой несчастной планете.

Советский Союз является той страной, которая покончила со всеми старыми традициями и парламентаризмом. В парламентах

всегда говорят: «Ждите, ждите еще полчасика, завтра все уладится...» Но в СССР взяли за работу, и поэтому я того мнения, что эта система работы и производства может быть распространена на все страны...

Война против коммунизма — явная, невежественная чепуха. Будущее принадлежит стране, которая все дальше и быстрее идет к коммунизму.

Война против коммунизма — это вопиющая и безграмотная чушь. Без современного мощного основания коммунизма и социализма наша цивилизация не просуществовала бы и недели.

Чем больше коммунизма, тем больше цивилизации. Коммунизм — штука настолько замечательная, что коммунизировать следует все на свете.

Если будущее будет таким, каким предвидел его Ленин, тогда мы все можем улыбаться и смотреть в это будущее без страха.

Я бесконечно жалею, что не знал Ленина. Народ, имевший Толстого и Ленина, не может быть посредственным.

Я никогда не упускал случая выразить мое восхищение Лениным перед английской публикой.

Когда человек остается лицом к лицу с самим собой, он остается лицом к лицу не с отдельным индивидуумом, а с представителем определенного вида, и узнает, что для того, чтобы спастись самому, ему нужно спасти человечество.

Чем большим человек обладает сверх того, что он в состоянии потратить, тем больше он старится от забот.

В наше время джентльменом считается человек, имеющий достаточно денег, чтобы делать то, что делал бы каждый дурак, имей он такую возможность, то есть потреблять, ничего не производя.

Деньги говорят, деньги пишут, деньги ведут беседу по радио, деньги царствуют, а короли и министры записывают их приказы.

Королями не рождаются, ими становятся вследствие всеобщего заблуждения.

Реформатор, для которого мир недостаточно хорош, часто действует рука об руку с тем, кто недостаточно хорош для этого мира.

Леди и джентльменам дозволено иметь друзей в собачьей конуре, но не в кухне.

Если относиться к прислуге как к человеку, то не стоит ее держать.

Лучше жить на один фунт в неделю и смотреть прямо, чем иметь миллион и видеть все вкривь и вкось.

Если мы хуже своих отцов, а они хуже наших дедов — и так в глубь веков до Платона, почему же мир не хуже и не лучше, чем описал его Платон?

Так уж повелось в этом мире: если ваши слова не будоражат окружающих, можете вообще не говорить, ведь никто не станет беспокоиться о том, что его не беспокоит.

Все религиозные учреждения существуют только тем, что продают себя богачам.

Если выживает сильнейший и процветает вреднейший, значит, природа — бог негодяев.

Почему это так устроено: люди, умеющие веселиться, не имеют денег, а люди, имеющие деньги, не умеют веселиться.

Я лично ненавижу бедных и страстно желаю их искоренения; я немного жалею богатых, но также не возражаю против их истребления!

Наши природные свойства могли быть и хорошими, но они плохо воспитаны: мы полны антиобщественного личного честолюбия и предрассудков. Не лучше ли было

научить наших детей стать лучшими гражданами, чем мы сами? Мы этого не делаем. Русские это делают.

Порабощенные народы подобны больным раком, неспособным думать ни о чем другом, кроме своей болезни.

Здоровая нация не думает о своей национальности, как здоровый человек не думает о своем здоровье. Но если вы откромсаете у нации ее независимость, она будет жаждать возместить ее.

Можно брать города и выигрывать сражения, но нельзя покорить целый народ.

Великие цивилизации в истории были созданы людьми, ставившими крестик вместо подписи, и разрушены людьми, сочинявшими латинские стихи.

Цивилизация — это не паровоз, не станок, не пирамида, а человек — творец этих вещей.

Люди, которые думают только о своем счастье, — абсолютно ничтожные люди.

Человек прежде всего должен заботиться о своих человеческих качествах, а счастье само позаботится о себе.

Мы не имеем права пользоваться счастьем

ем, если не насаждаем его, как не имеем права пользоваться богатством, не заработав его.

Счастье и несчастье соотносятся с природой человека, а не с тем, сколько у него денег. Деньги уберегают от голода, но не спасают от несчастья. Пища питает тело, а не душу.

Чтобы прожить счастливо, надо с головой уйти в любимое дело, тогда некогда будет думать, счастлив ты или нет.

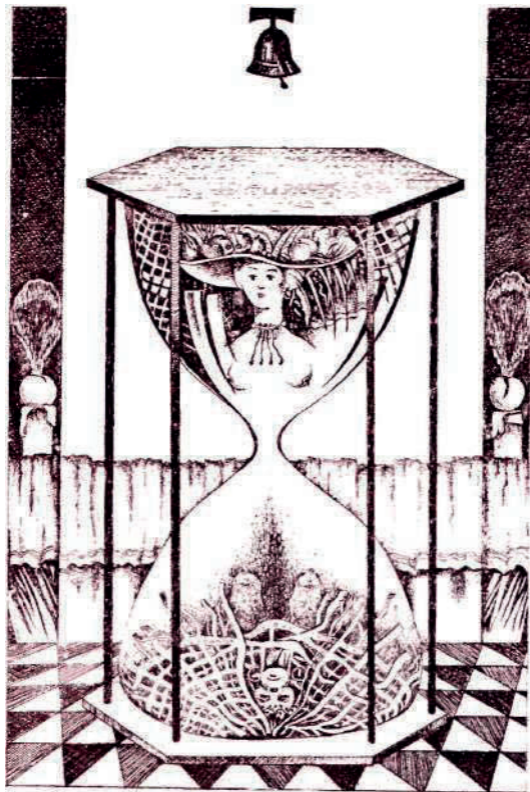
Для счастья нужно устать.

Счастлив тот, кто живет своим коньком.

Человек, страдающий зубной болью, считает счастливыми всех, у кого не болят зубы. Бедняк делает ту же ошибку относительно богатых.

Если когда-нибудь, гоняясь за счастьем, вы найдете его, вы, подобно старухе, искавшей свои очки, обнаружите, что счастье было все время у вас на носу.

Не в природе человека благодарить за отсутствие несчастья. Под зубную боль думается лишь об одном: хоть бы она прошла. Но вот она прошла, и никому не приходит в голову записать ее отсутствие себе в кредит.

Самое правильное: сочетать житейский опыт с энергией молодости.

По капиталистической морали труд не есть дело чести, а всего лишь позорная необходимость.

Даже самые утонченные физические или нравственные достоинства не могут искупить социального греха: участия в потреблении без участия в производстве.

Молодость — это замечательная вещь, и преступно транжирить ее молодым людям.

Наша проклятая капиталистическая система уродует землю и словно проклятие тяготееет она над всем, что благородно и человечно.

Человек, смешивающий политическую свободу со свободой вообще и политическое равенство с общим равенством, никогда и пяти минут не задумывался над этими вопросами.

Клики, состоящие из одного человека, — наихудшие клики.

Люди, которые недостаточно умны и политически развиты, чтобы быть социалистами, не имеют будущего, как бы ни кипели в них жизненные страсти.

Враги новой России — враги человечества.

Маркс открыл мне глаза на факты истории и цивилизации, открыл цель и смысл жизни.

Социализм — это точка зрения.

Мы должны сделать мир честным до того, как сможем честно рассказать нашим детям о том, что честность — вот лучшая политика.

ТЕАТР.
ДРАМАТУРГИЯ.
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.
ТВОРЧЕСТВО.
КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ.

Назначение театра — стать подлинной фабрикой мысли, подсказчиком совести, указателем пути социального развития, броней против скуки и отчаяния и храмом вознесения человека.

Высокая цель театра и драматурга — не забавлять людей, а толковать жизнь.

Театру, как и вселенной, нужны все человеческие типы, чтобы он мог толковать жизнь.

Театр — это могучая машина, которая будит страсти и воображение человечества.

Мы хотим откровенного театра доктрины. В попытках превратить театр доктрины в театр нехудожественный не более смысла, чем в расстраивании соборного органа; действительный опыт показывает, что только доктрина волнует нас до такой степени, до какой может волновать величайшее искусство.

Все, кто стремятся дать жизни действительную интерпретацию — высокую ли, низкую ли, — обретают свое орудие в театре.

Драма делает театр, а не театр драму.

Только проблемная пьеса может стать настоящей драмой.

Без какой-то новой философской мысли нет драмы.

Драма — это искусство столкновения идей.

Мои пьесы не драматизированные дискуссии, а дискуссионные драмы.

Три задачи драматурга: первая — создать ситуацию, вторая — подвести к ней действие, третья — выпутаться из нее.

Всякая социальная проблема, возникающая из противоречия между человеческими чувствами и окружающей обстановкой, дает материал для драмы.

Драма — это не просто камера, направленная на натуру. Это отображение в параболе конфликта между волей человека и его окружением, одним словом — отображение проблемы.

Качество пьесы определяется качеством ее идей.

Во всех моих пьесах показан переворот, совершающийся в убеждениях и в сердцах действующих лиц. Каждая из них — это история перерождения.

В моих пьесах я обращаюсь ко всем временам, но не изучаю никакого времени, кроме настоящего.

Только человек, пишущий о себе и своем времени, может писать обо всех народах и всех временах.

Если бы я хоть на минуту забыл о физических возможностях театра и перестал видеть перед собой живого актера, мои пьесы

либо не достигали бы цели, которую я перед собой ставлю, либо их просто нельзя было бы осуществить на сцене.

Каждая моя новая пьеса — это послание к человечеству.

Как мыслитель я всегда был на линии огня современных интеллектуальных конфликтов.

Допустить, что в нравственных конфликтах возможно прощение, — это сентиментальность и заблуждение.

Если драматург, живущий среди нашей действительности, принужден черпать мысли и вдохновение из книг, это значит, что он ничего не видит и не слышит.

У моих пьес был только один предмет изучения — жизнь, и только один интерес — интерес к жизни.

Я пишу такие пьесы, которые наиболее интересуют современную культурную публику: рассказ о жизни людей, рассуждения об их поступках, объяснения побудительных мотивов, споры и столкновения действующих лиц, раскрытие злых замыслов, откровенный показ человеческой души, короче — показ жизни.

Особенность моего таланта состоит в том,

что я умею взять ряд действующих лиц, свести их вместе и затем дать им высказаться.

В моих пьесах всегда присутствует продуманная социология, что коренным образом отличает их от пьес тех авторов, для которых знание общества равносильно знанию того, что зеленый горошек не едят ножом, а жену дворянина следует величать не леди Полл Джоунс, а леди Джоунс...

Главная моя заслуга перед моими современниками в том, что мне с большим успехом удавалось заставить мыслить мужчин и женщин.

Для большинства женщин один мужчина и одна жизнь составляют мир. Мне же для пьес нужны целые народы и исторические эпохи, чтобы вызвать серьезный интерес и привести в движение на полную мощность машину для писания, которая и есть Джордж Бернард Шоу.

Жизнь, предстающая нашему взору, настолько бессистемна, что, только выбирая ее ключевые события и организуя их в порядке значимости (что никогда не совпадает с их естественным ходом), можно сделать ее доступной пониманию.

Мир — театр, и лишь немногим избранным дозволен вход за кулисы.

Тайна успеха моих пьес заключается в том, что я заставлял публику страдать и уносить с собою свое страдание, чтобы она почувствовала, что это стоит затраченных денег.

Во всех моих пьесах экономика общества играет такую же роль, как анатомия в работах Микеланджело.

Когда я пишу пьесы, я никогда не изобретаю сюжета; я предоставляю моей пьесе развиваться самой и часто до последнего момента еще не вижу выхода из создавшихся положений.

Мною движет страсть к полной самоотдаче — таковы все художники. Надо жить во всю мочь, широко зачерпывая разнообразного бытия. Как драматург, я замечаю за собой способность одним разом проникнуть в суть там, где литературные мужи только умеют разводиться руками...

Я не создаю сатирических типов. Я изображаю людей такими, как они есть. Когда я описываю ведро, критики почему-то говорят, что это сатира на ведро...

В моих пьесах жизнь и искусство сходятся, как нож с точилом, — только искры летят!

Я пишу пьесы потому, что мне это нравится и еще потому, что не помню в своей жизни такого периода, когда бы я не придумывал людей и положение их. Рассказчик я неважный, мысли сразу воплощаются у меня в сцены, в диалоги, в действие, в некие сгустки времени, развитие которых зависит уже от степени их внутреннего заряда.

Я создавал свои пьесы по крупице из атомной пыли, отредактировал их для печати и прорепетировал для сцены; в результате я с первого взгляда вижу те небольшие погрешности, которые кажутся вам мелочами.

Ради «чистого» искусства как такового я не написал бы ни одной строчки.

Великое искусство никогда не создается ради себя самого.

Ложная красота и горькая правда могут существовать только порознь.

Я никогда не выпущу пьесы из рук, пока не уверюсь, что она достаточно удобоварима и я уже не могу ее улучшить.

Мои пьесы требуют не режиссуры, а самой серьезной актерской игры. В них должен слышаться гул и хруст подлинной жизни, сквозь которые временами проглядывает поэзия.

Мне предстояло создать публику, создавая пьесы.

Мои пьесы — не скаковые лошади, и мне некогда заниматься ими после того, как они закончены и выпущены в свет.

На вопрос — пишет ли он пьесы по определенному плану, Шоу ответил: «Я не знаю, какой план существует у цветка, когда он распускается».

Для меня сочинение пьес не представляет ничего особенного: всякий может написать пьесу, если у него есть к этому естественная склонность, а если нет — не может; вот и все.

Почему человек с воображением и не утративший ощущения реальности, непременно в конце концов напишет комедию? Да потому, что он видит комическое несоответствие своих мечтаний действительным возможностям и своему положению.

Если в работе над пьесой я чувствую, что моя страсть к возвышенным материям грозит настроить публику на торжественный лад, сразу ввожу какую-нибудь шутку и сбрасываю высокопарный партер с небес на землю.

За свою долгую жизнь я передал людям все, что мог передать, и хотя я не могу ска-

зять, что не оставлял и дня без строчки, но все же — почти следовал этому идеальному римскому правилу, насколько позволяли мне здоровье и человеческие возможности. Все мое добро — на витрине книжной лавки и на сцене.

Правда на сцене — вот лучшая шутка.

Когда вещь смешна, ищите в ней скрытую правду.

Я служу публике, но не поклоняюсь ей.

Я люблю аудиторию и в этом отношении я просто как ребенок.

Смех зрителей для меня ничто: каждый дурак может рассмешить. Я хочу видеть сквозь этот смех слезы.

Люди смеялись, когда я был серьезен. Теперь они снимают шляпы, когда я шучу, и это еще более раздражает.

Если вы хотите польстить мне, не говорите, что я спас вашу душу своей философией. Скажите лучше, что, как Шекспир, Мольер, Скотт, Диккенс, я создал галерею персонажей, которые кажутся вам более реальными, чем ваши собственные родственники, и которых будут веками воскрешать на сцене смеющихся поколения актеров и актрис.

Какой смысл писать пьесы, если вам нечего сказать или показать больше того, что уже сказал или показал Шекспир.

Хочу похвалиться, что поучительность пьесы «Пигмалион» настолько сильна и преднамеренна, что я с восторгом швыряю ее в лицо тем самодовольным мудрецам, которые, как попугаи, твердят, что искусство не должно быть дидактическим. Это подтверждает мое мнение, что искусство не может быть никаким иным.

Разве нужно изгонять юмор и смех? Если даже мир — одна из божьих шуток, почему бы нам не попытаться превратить плохую шутку в хорошую.

Когда природа предназначает человека в настоящие артисты, она обычно побуждает его к совершенствованию тем, что оставляет его нескладным и несносным до тех пор, пока не будет выполнено ее предначертание.

Я лично люблю бить актеров, а также не прочь побить слегка и публику — только так мы можем двигаться к совершенству.

Можно отпустить артисту все семь смертных грехов, но нельзя простить, если он, усевшись на свою шляпу, не заставит зрителей смеяться.

Играя Шекспира, идите за текстом, или от текста, или по тексту, но ничего сверх текста.

Самый непростительный грех для актера — это быть тем, кого он изображает, вместо того, чтобы играть его.

Способность воспринимать хорошие и дурные образцы искусства как нечто касающееся тебя лично и делает человека критиком.

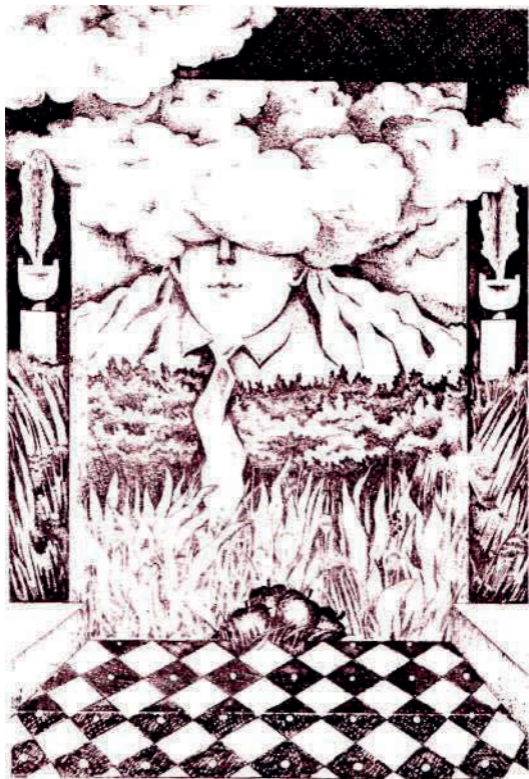
Критики, как и все другие люди, видят то, что они хотят, а не то, что у них перед глазами.

Чем резче критика, тем деликатнее должна быть грань между тем, что следует говорить и чего не следует. Короче: если вы хотите стать хорошим критиком, помните, что вежливость не менее важна, чем ум.

Посоветовать начинающему критику быть менее критичным — то же самое, что посоветовать молодому артисту играть похуже.

Способность с волнением реагировать на красоту — единственное, что дает право заниматься музыкальной критикой.

Критику, написанную бесстрастно, и читать не стоит.

Когда-нибудь соберусь и напишу «Советы старым музыкантам». В первом же пункте обозначу: не спешить возражать Джорджу Бернарду Шоу — он никогда не возьмется писать о музыке, не разузнав прежде о сем предмете раз в шесть больше вас.

Почему кто-то другой должен оценивать меня, когда я сам могу это сделать? Я не страдаю неумением отражать удары. Предоставьте мне сильнейшего критика, и я откритикую его так, что голова с плеч долой, начисто!

На премьеры моих пьес следует присылать не театральные критиков, а политических обозревателей.

В ответ на упрек, что он спал во время чтения пьесы одного автора, Шоу ответил: «Сон — тоже критика!»

Когда мое критическое чувство обострено до предела, то уже мало назвать меня пристрастным: во мне бушует настоящая страсть к художественному совершенству, к возвышенной красоте звука, зрелища и действия.

Красивость сама по себе не может сделать бессодержательную музыку интересной.

Никакое физическое очарование не может восприниматься как что-то благород-

ное и красивое, если оно не является выражением этического очарования.

Я симпатизирую чувствам, но считаю: замена чувственным экстазом всякой интеллектуальной деятельности и честности — величайшее зло.

Факты нужно освещать только с сегодняшней точки зрения.

Протоколирование фактов не есть история. Эти летописные своды становятся историей лишь тогда, когда художники, поэты, философы вызволяют их из бессмысленного хаоса и превращают их в факт искусства.

Вся великая литература и искусство — пропаганда.

Журналистика может притязать на звание высшей формы литературы, ибо самая высокая литература является журналистикой.

Ни мертвый язык, ни мертвая цивилизация никогда не могут взволновать мир.

Подлинно оригинальное произведение распознает сразу лишь горстка людей. Признание всегда запаздывает, и стало банальной истиной то, что гений получает вместо хлеба камень — и то посмертно.

Нет более опасного литературного симптома, чем искушение теоретизировать о юморе и остроумии. Он показывает отсутствие у автора и того и другого.

Любое поистине интеллектуальное произведение насыщено юмором.

Подлинно умная мысль всегда иронична.

Тот, кому есть что сказать, достигает такой стилистической выразительности, какую дает ему сила его убеждения, а тот, кому нечего сказать, подобен каналу без воды.

Стиль — что нос: двух одинаковых не бывает.

Есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет», и только один способ это написать.

Живая неудача куда лучше мертвого шедевра.

В литературе так: новичок стремится любой ценой овладеть литературным языком, а кто поопытнее — освободиться от этих пут.

Декадентщина только в том случае приобретает своих сторонников, если она выступает под маской прогресса.

Люди выносят из книг только то, что сами в них привносят... Вы резонно спросите, зачем мне понадобилось их писать. Отвечаю: не знаю. Я не спрашивал себя об этом — это был мой долг и только.

Нельзя написать хорошую книгу, пока не напишешь несколько плохих.

Когда вы читаете биографию, помните, что вся правда никогда не пригодна для публикации.

За всю долгую жизнь я написал невероятно много писем и среди них — ни одного зряшного, так что в каждом есть хотя бы капля смеха и хотя бы капля хорошего чтения.

Мне пришлось писать, потому что ничего другого я не умел делать.

Лев Толстой — явление, о котором не скажешь: принять его или не принять. Нравится он вам или нет, вы должны принять его таким, какой он есть.

Мы не можем не ощутить жалящей силы, с которой Толстой бросает нам вызов, вопрошая: чего вы достигли и до чего дошли...

Что тут долго говорить? Пьеса «Искупление» Гуно совсем не скучна, если вы проя-

вите осторожность и, сильно запоздав к началу, уйдете задолго до конца...

Я знаю три английских языка: на одном пишу свои пьесы, другим пользуюсь для официального общения, а на третьем говорю со своими друзьями.

Джозеф Конрад * — талантливый славянин. Единственный недостаток Конрада — его чересчур правильный английский язык.

НАУКА. ЗНАНИЕ. РАЗУМ. МЫСЛЬ. ОПЫТ.

Все проблемы в конечном счете являются научными проблемами.

Наука всегда оказывается неправа. Она никогда не решает вопроса, не поставив при этом десятка новых.

У природы нет иного мозга, кроме того, который она с таким трудом вложила в наши головы.

* Английский писатель (1857—1924), поляк по происхождению

Всегда познавайте предмет в противоречиях. Вы обнаружите при этом, что существует постоянный заговор, имеющий целью преподать тот же предмет догматически и односторонне.

Развитие личности — процесс подсознательный, который сразу же прекращается, как только о нем начинают думать.

Природа не отвечает за проводимый человеком эксперимент: успех или провал его зависит от самого экспериментатора. Если человек обнаружит свою непригодность, природа поставит другой эксперимент.

Остерегайтесь ложного знания: оно опаснее невежества.

Природа не терпит пустоты: там, где люди не знают правды, они заполняют проблемы домыслом.

Где отсутствует знание, там невежество именуется наукой.

Способность мыслить — одна из страстей, и она может давать более длительное наслаждение, чем любая другая страсть.

Ни один человек не может быть узким специалистом без того, чтобы не быть идиотом в широком смысле слова.

Узкий специалист узнает все больше о все меньшем и так до тех пор, пока не будет знать все ни о чем и ничего обо всем.

Все профессии — это заговор специалистов против профанов.

Если у вас есть яблоко и у меня есть яблоко и если мы обмениваемся этими яблоками, то у вас и у меня остается по одному яблоку. А если у вас есть идея и у меня есть идея, то у каждого из нас будет по две идеи.

Никогда не противься искушению испытать все и твердо придержишься того, что является хорошим.

Гений — это человек, который видит дальше и понимает глубже других людей; поэтому он руководствуется иной, чем у них, системой этических оценок. И у него достаточно энергии, чтобы выразить свое сверхзрение и свою систему ценностей в той форме, которая органична для его таланта.

К несчастью, всякий гений заключен в обыкновенное тело и в обыкновенный мозг, которые дискредитируют его глупостью и недостойными поступками.

Есть только одно средство победить время: верить в новые идеи, которые всегда найдут новое и яркое выражение.

Настоящая религия сегодняшнего дня существует благодаря материалистам — физикам и атеистам. Это они наконец прочистили нам мозги и выгребли оттуда невежественные и вредные предрассудки, которыми нас перекормили в беспомощном младенчестве.

Разумный человек приспособливается к миру; неразумный — упорно пытается приспособить мир к себе. Поэтому прогресс зависит от неразумных людей.

Так называемые животные были отомщены, когда Дарвин прояснил нам, что мы — их братья.

Если вы не можете достичь знаний, не мучая собак, обойдитесь без знаний.

Человечество околдовано неудержимым стремительным движением науки, и только искусство способно вернуть его к реальности.

Если бы научала опытность, то камни лондонских мостовых были бы умнее самых мудрейших людей.

Возражения против прогресса всегда сводились к обвинениям в аморальности.

Дайте суеверному человеку науку, он и ее превратит в суеверие.

Многие великие истины были вначале кощунством.

Единственный путь к знанию — деятельность.

Кто умеет — делает, кто не умеет — учит.

Кто больше всех учит, тот меньше всех знает.

Если история повторяется, а неожиданности случаются всегда, то сколь маловероятно, что люди могут научиться чему-либо из опыта.

Мудрость людей измеряется не их опытом, а их способностью к опыту.

Будущие открытия, которые потом станут научными фактами, приходят на ум такими, как я, сначала в виде шутки...

Без теории явления природы могут быть использованы, но не постигнуты.

Люди науки чаще всего лишены чувства юмора. У Галилея, к примеру, его вовсе не было. Когда Леонардо да Винчи заметил, что земля для солнца — все равно, что луна для земли, Галилей, обладай он чувством юмора, посмеялся бы, решив, что это превосходная шутка, и не стал бы заниматься

какими-то исследованиями. Но он не понимал шуток и, вероятно, поэтому стал докапываться до истины, проделав колоссальную работу, которую я нисколько не ценю, потому что она лишь доказала правоту Леонардо да Винчи и других разумных людей того времени.

Когда атом даст нам возможность двухчасовым трудом заработать столько, сколько теперь можно заработать двумя годами труда, когда мы в мгновение ока будем передвигать горы и выпрямлять русла рек, тогда у нас будет много досуга, много возможностей его использовать, и жизнь станет неизмеримо богаче и интереснее.

Настоящий прогресс станет возможным лишь в том случае, если мы всерьез, с помощью науки, попытаемся обеспечить общество надежным человеческим материалом.

Человек должен управлять своим разумом. Если разум будет им управлять, он погиб.

ЛЮБОВЬ. БРАК. МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ СЕМЬЯ. ДЕТИ. ВОСПИТАНИЕ

Любовь слишком великое чувство, чтобы быть только личным делом каждого.

Люди без любви — испорченные люди. Они способны без стыда просить любви, потому что в ней не нуждаются; они способны предложить ее, так как им нечего дать.

Первая любовь требует лишь немного глупости и много любопытства.

Любовь — это грубое преувеличение различия между одним человеком и всеми остальными.

Брак — это многолетний героический труд отца и матери, поднимающих на ноги своих детей.

Брак — лавина, которую юноша и девушка обрушивают себе на голову, потянувшись за цветком.

Брак пользуется всеобщей популярностью, потому что сочетает наибольшее искушение с максимальной возможностью его удовлетворить.

Брак служит не мужчине для закрепощения женщины, а женщине для закрепоще-

ния мужчины, и она будет упорно отстаивать его до тех пор, пока не будет получать плату за свой труд.

Ухаживание — это погоня мужчины за женщиной, продолжающаяся до тех пор, пока он не станет ее добычей.

Мужчина не должен жениться, пока не знает, каким он станет в будущем.

Жениться глупо, не жениться — еще глупее.

Если человек не влюбился до сорока лет, то лучше ему не влюбляться и после.

Развод — ахиллесова пята брака.

Семейная жизнь никогда не станет пристойной и облагораживающей до тех пор, пока не будет устранено главное, ужасное зло — зависимость женщины от мужчины.

Будущее женщины не в руках ее матери.

Желание мужчины прожить всю жизнь с красивой женщиной похоже на желание насладиться вкусом вина, которым до предела заполнен его рот.

Женщин можно выносить в обществе, начиная с тридцати лет, так как с этого времени они начинают совершенствоваться...

Женщины вообще не понимают, что за слабые, пугливые создания эти мужчины.

Мужчины никогда и ничего не делают ради женщины: от рождения и до смерти мужчина остается дитятей женщины, которому постоянно от нее что-то нужно и который никогда ей ничего не дает, разве только сохранить что-нибудь, что может пригодиться ему самому.

Из двух доль: женской доли постоянного материнства и мужской — вечного детства — я, мне кажется, предпочитаю мужскую...

Пол не должен лишать женщину прав на режиссуру. У женщин-режиссеров не меньше данных для нее, чем у мужчины. Как в браке, как на королевском троне, очень часто «в упряжке кобылка верховодит»...

В поединке полов мужчина не является победителем.

Долг вдовы — выйти замуж.

Умеренно честный муж с умеренно честной женой, оба умеренные любители выпить в умеренно здоровом их доме — вот подлинный тип представителей буржуазного класса.

Старый человек в идеале — это дитя, дитя

в идеале — это человек сорока лет, а женщина в идеале — мужчина, хотя женщины об этом помалкивают, не раскрывая тайны.

Вежливый человек должен относиться к своей жене так же, как и к любой незнакомой женщине, только в десять раз вежливее.

Правильное воспитание детей состоит в том, чтобы дети видели своих родителей такими, каковы они в действительности.

Дети всегда правы, называя нас взрослыми. Это единственная разница между ними и нами.

Школа при капитализме — это тюрьма, куда заточают детей, чтобы они не беспокоили родителей.

Не давайте своим детям редкие имена прославленных исторических личностей. Такой человек будет походить на ворону с павлиньим хвостом. Он не сам себе нацепил имя и, конечно, будет его стыдиться, если он человек неглупый.

Испытанием воспитанности служит поведение людей в ссоре. А когда все идет гладко, каждый может вести себя прилично.

Это не ссора — это английская семейная жизнь!

Ни один мужчина не стоит женщины, если она по-настоящему женщина.

Обручальное кольцо — символ рабства.

Что человек ищет товарищеских отношений с женами своих друзей, это в порядке вещей, и если, он умный человек, он забудет и думать о какой-нибудь интрижке.

Детей надо воспитывать так, чтобы человека только потребляющего, но не возвращающего соответственный эквивалент обществу, они считали вором.

ШОУИЗМЫ

2

Одиночество — великая вещь, но не тогда, когда ты один.

Заводите сколько угодно врагов себе впереди, но не оставляйте их сзади.

Только те, кто помог себе, знают, как помочь другим.

Нет двух людей, которые бы одинаково вспомнили один и тот же случай.

Те, кто не умеют жить, должны видеть добродетель в смерти.

Мы злоупотребляем правом жить, если постоянно не боремся за него.

Чтобы жить долго, надо думать об этом смолоду.

Оставайтесь естественным — это всего ближе к детству.

Вколачивать в человека ненужную ему премудрость так же вредно, как кормить его опилками.

Если вы достигли совершенства в каком-нибудь деле, займитесь новым: это вернет вас на землю.

Не расстраивай старую сделку, пока не наладишь новую.

Уж если вы побеждаете противника, то делайте это не наполовину.

Не выплескивай грязной воды, пока у тебя нет чистой.

Моя манера шутить — это говорить правду.

Люди только тогда сообщают нам интересные сведения, когда мы им противоречим.

Молчание — самый совершенный способ выражения презрения.

Не умывайте кошку, иначе она перестанет умываться сама.

Красота приятна, когда видишь ее в первый раз, но кто взглянет на нее после того, как она пробудет в доме три дня?

Не удовольствия заставляют ценить жизнь; жизнь заставляет ценить удовольствия.

Чтобы изжарить яичницу, нужно разбить яйца.

Порок — это просто порча жизни.

Идея судебного процесса проста: заставить двух лжецов разоблачать друг друга, чтобы правда всплыла наружу.

Бывает, человек молчит, когда ничего не знает о данном вопросе, но чаще — когда знает о нем все.

Только смех беззлобно казнит дурное и укрепляет добрые отношения, не распуская слюней.

Нет ничего серьезнее глубокого юмора.

Закон бога — закон перемен.

Старайся иметь то, что тебе любо, иначе заставят полюбить то, что имеешь.

Приличия — молчаливая форма конспирации неприличий.

Увы! О приличиях в наше время невозможно говорить без неприличий.

Непристойность может быть обнаружена в любой книге, кроме телефонного справочника.

Никогда не указывайте на ошибки, пока не поймете, как их исправить.

Тот, кто никогда не знал надежды, не может отчаиваться.

Не спешите всего достичь. Чем вы будете жить потом? Превратите лучше вашу цель

в горизонт: он всегда будет перед вами, впереди.

Мне больше нравится состояние непрерывного становления, когда цель впереди, а не сзади.

Лисе мало сказать, что виноград, который ей не достать, — кислый, она еще убеждает всех, что доступные ей ягоды терновника — слаще.

Всякая возмущающая общественное спокойствие правда начинается с шутки.

Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от намерения вас повесить.

Не береги чувства людей обидчивых. Бей их не раздумывая по носу и получай сдачу. Ссориться с тобой они уже не станут.

Победитель всегда воспринимает кое-какие черты побежденного.

Лучше всего хранятся те секреты, о которых все догадываются.

Как только захочется поверить во что-либо, сразу видишь все аргументы «за» и становишься слеп ко всем аргументам «против».

Нет времени без героев. У каждой нации
наименее бездарный генерал — ее Цезарь,
наименее глупый государственный дея-
тель — ее Соломон, наименее путаный мыс-
литель — ее Сократ, наименее заурядный
поэт — ее Шекспир.

Чувство величия — одно из проявлений
ничтожества.

Америка произвела лишь двух гениев:
Эдгара Аллана По и Марка Твена.

Американская статуя Свободы постав-
лена там, где ей и должно стоять — на месте,
где ее похоронили!

Приют для душевноздоровых пустовал
бы в Америке.

Англия больше не может обойтись без
своих ирландцев и шотландцев, так как она
не может больше обойтись без минимума
здорового смысла.

Из всех учреждений Британской импе-
рии я признаю только одно — Британский
музей. Его читальный зал стал моим кабинетом.

Библия говорит: когда Иегова сотворил
мир, он увидел его и сказал: «Это хорошо».
Что бы он сказал теперь?

Чтобы понять святого, необходимо выслушать адвоката дьявола.

Когда еретик хочет избежать мученического конца, он говорит об ортодоксальности — истинной и ложной — и доказывает, что его ортодоксальность — истинная.

Все может случиться. И оно случается. И будет случаться.

Чудом из чудес является то, что чудеса происходят.

Иногда и добрые советы напоминают касторку: их легче давать, чем принимать.

Общепринятый смысл не так уж логичен.

Ни одно высокое наслаждение не совместимо ни с табаком, ни с алкоголем, нужными только для того, чтобы убивать время да глушить заботы.

Кто не может полностью овладеть родным языком, не овладеет и чужим.

Тот, кто собрался преобразить себя, обязан сперва преобразить общество.

Когда человеку есть что сказать, трудность заключается не в том, чтобы заставить его говорить, а в том, как помешать ему высказываться слишком часто.

Всякий, подставляющий лоб под пулю, считается теперь героем потому, что он умер за родину. Но почему он не живет для нее?

К счастью, для правды есть отдушина: то, о чем запрещается говорить всерьез, можно сказать в шутку.

Самопожертвование дает нам возможность не краснея жертвовать другими.

Всякий пьяный шкипер уповает на провидение. Но провидение иногда направляет корабли пьяных шкиперов на скалы.

«В здоровом теле здоровый дух» — бессмысленное изречение. Здоровое тело — продукт здравого рассудка.

Даже самый щедрый человек норовит заплатить подешевле за ежедневные покупки.

Мы знаем, что буддист метет перед собой дорогу, дабы не наступить на мошку, но что он делает с блохой, мешающей ему спать, того мы не знаем.

Нет любви более искренней, чем любовь к еде.

Парадоксы — вот единственная правда.

Не забывайте, что юмор — черта богов!

Каждая шутка оборачивается истиной в лоне вечности.

Не пытайтесь жить вечно: у вас ничего не выйдет.

Из-под палки хорошие дела не делаются.

Судьба — капризная особа.

Там, где нет воли, там нет и пути.

Деньги не делаются при ярком свете.

Филантроп — это паразит, живущий нищей.

Золотое правило заключается в том, что не существует никаких правил.

Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

Серьезность — потуги маленького человека на величие.

Остерегайтесь человека, бог которого живет на небесах.

Если бог на небесах вздумает выставлять оценку за мою деятельность на земле, я не поручусь за наши с ним дальнейшие отношения...

Бокс — это кулачный бой в перчатках.

Репутацию врачу создают знаменитости, которые умирают под его наблюдением...

Недоверчивость — мудрость дурака.

Нам станет очень весело, как только вам надоест веселиться.

Даже соловья мы терпим за те поэтические побасенки, которые складываются не в его головенке.

Если человек собирается убить тигра, то это называют спортом; если же тигр намеревается убить человека, то это называют кровожадностью.

Интерес человека к миру — это просто переизбыток интереса к самому себе.

Любовь к вежливости — источник всех добродетелей.

Стоит ли выдергивать из земли растение, чтобы узнать, как оно растет?

Когда мужчине не сидится на месте, причина одна: женщина!

Ночь несет покой старикам и надежду молодым.

В стариковском поцелуе много плесени
Работай! Остальное придет само собой.

О, господи, спаси меня от дураков!

Мой самый ценный совет: никогда не
пользуйтесь советами (и этим тоже!).

Слишком умные люди гораздо чаще де-
лают ошибки, чем слишком хорошие.

Только благородный человек способен
проверить чужое благородство.

Содержи душу свою в чистоте: она —
окно, через которое ты должен видеть мир.

Я не люблю сражаться, я люблю побеж-
дать!

Я делаю свое дело, как кузнец кует под-
ковы.

Надо развивать то, что в тебе заложено,
а не то, что тебе больше нравится.

ПРИЗНАНИЯ

З

Я хотел стать вторым Микеланджело, но обнаружил, что не умею рисовать; хотел быть музыкантом, но обнаружил, что не умею играть; пожелал стать певцом, но выяснилось, что у меня нет голоса. Я не собирался писать, это случилось само собой, помимо моего желания.

Я всегда презирал Адама за то, что он решил отведать яблока с древа познания, лишь будучи искушен женщиной, которую еще прежде искусил змей. Да я бы перекусал все яблоки на дереве — только отвернись хозяин!

Держать свое мнение при себе мне было так же чуждо, как скрывать свою национальность, да к тому же я еще имел привычку перечить всякому, надеясь узнать что-нибудь полезное для себя: хотелось вызвать другого на разговор, покопаться в чужих мыслях. Поэтому многие милые люди должны были считать меня очень неприятным молодцом.

Мальчишкой я по дурусти считал, что затемнять легкие табаком — достойное дело мужчины. Но уже подростком стал задумываться: платим трубочисту за дымоходы, а сами коптим комнаты мерзким дымищем! Мало, что ли, без нас в мире грязи, дыма и духоты?

Вы не должны думать, что раз я стал старым, я стал очень мудрым: возраст не приносит мудрости, но зато он приносит опыт, которого еще не может быть у молодых. Даже самый глупый из людей к девяноста годам успевает увидеть вещи, которых никто из вас не видел.

Первая тюрьма, которую мне пришлось увидеть, несла на своем входе надпись: «Избегай делать зло, учись делать добро!» Но так как надпись находилась снаружи, арестанты не могли ее прочитать.

В молодости моя голова была забита идеями эволюции, новой астрофизики и изящных искусств.

Я всегда был самим собой. Я не боялся быть самим собой. И, наконец, я избавился от самого себя и стал голосом тех, кто боится говорить, и криком тех, чьи сердца разбиваются молча.

Я не потерял ни одного из своих друзей, кроме себя самого,— я имею в виду человека, которым я хотел быть.

Я не могу сказать вам, в чем я лучше всего, потому что «лучше всего» — это уровень, которого я еще не достиг.

Моя особенность — быть правым там, где все неправы. Там, где со мной соглашались, мне делать нечего.

Если я стал писателем, то не следует думать, что я никогда не стремился к достойной деятельности. С пятнадцати лет я пытался идти против своей природы. Моя последняя попытка относится к 1879 году, когда в Лондоне была создана компания для эксплуатации искусного изобретения Эдисона, являвшегося не чем иным, как телефоном, оравшим ваши самые интимные подробности, вместо того, чтобы нашептывать их тайком...

Вы видите то, что есть, и спрашиваете: «Почему?». Я же мечтаю о том, чего пока нет, и говорю: «А почему бы нет?»

Никто не сравнится со мной в умении по любому поводу расхваливать себя как товар. Но я никогда не докучал публике, ища похвалы. По мне худая слава — все же слава...

У меня хватало математической одаренности на то, чтобы заключить, что если $a=b$, $b=c$, то a должно быть равно c . Но у меня также было достаточно ума для вывода: если бутылка коньяка по стоимости равна трем библиям, а три библии — апостольским вероучениям, то, следовательно, ценность вероучений — это бутылка коньяка, демонстрируя тем самым латинское *reductio ad absurdum* (приведение к нелепости).

Примечательно в вегетарианстве не то, что события, случающиеся с другими, не случаются со мной,— это отнюдь не так,— но все случается иначе: страдание иное и удовольствие иное, и простуда иная, и повышенная температура, и даже любовь...

Самые сильные животные, такие, как бык,— вегетарианцы. Посмотрите на меня, я в десять раз здоровее, чем тот, кто ест мясо.

За моим катафалком последуют не траурные экипажи, а стада быков, овец, свиней, стаи домашней птицы и аквариум с живой рыбой, все в белых шарфах в честь человека, который умер, но не согласился есть своих братьев.

Мне по вкусу вегетарианский образ жизни, вот уже полвека он источник моей молодости. Но этим я не хочу сказать, что каждый, кто ест свеклу и капусту, может сравниться с неким Джорджем Бернардом Шоу. Это было бы чересчур оптимистично...

Для меня женщина,купающая ворох ненужной одежды и предметов туалета без числа, просто не существует. Ни одно государство, тем более ни один мужчина, не может себе позволить дружбы с такой женщиной. Читайте историю Нельсона и его леди Гамильтон...

До 29 лет — подумать только! — я был слишком драным и жалким, чтобы на меня смотрели женщины. Я расхаживал в древнем темно-зеленом пальто, манжеты подстригал ножницами, носил немислимые сапоги, и все в том же роде. Потом устроился на какую-то работу и купил новый костюм. Немедленно меня пригласила к себе на чашку чая одна дама, бросилась мне на шею и заявила, что меня обожает. Я позволил ей обожать себя, потому что мне было любопытно. Она меня удивила. Я не считал себя мужчиной привлекательным. Но я удачно прикинулся, будто так и надо. С тех пор, как я остаюсь наедине с женщиной, она неизбежно бросается мне на шею и говорит, что она меня обожает...

Как-то давно, в мои телячьи годы, я был страстно влюблен в одну смуглую женщину. У нее была сестра, на которой эта добрая женщина задумала меня женить. Раскусив ее намерение, я тут же снова вознесся к небесам, с которых спустился было ради нее, и больше никогда ее не видел...

Все мои любви кончаются трагически, потому что женщины не умеют пользоваться мною для себя. Только когда мною пользуются другие, я чувствую, что существую на свете, и наслаждаюсь жизнью.

Лишь два раза в жизни женщины вол-

новали меня физически: первый раз в молодости, второй — в зрелом возрасте.

У меня отменные мозги, но не они доставили мне уйму знаний, а очень глупая дама, однажды меня полюбившая...

В годы моей молодости, когда женщины носили наглухо закрытые платья, носок туфельки, прорешка в перчатке вызывали в нас, мужчинах, гораздо больше эмоций, чем обнаженная спина красавицы теперь на балу. Современная мода лишает наше воображение какой бы то ни было пищи.

Говорят, что любовь слепа, но я встречал великое множество влюбленных ребят, которые увидели в своих красотках вдвое больше того, что сумел увидеть я...

О своей будущей жене: она не любит меня по-настоящему. Все дело в том, что она умная женщина...

Люблю влюбляться!

Я с детства приучен каждое утро погружать лицо в таз с холодной водой и держать его так с открытыми глазами. Поступайте подобным образом дважды в день и к девяти годам вы сможете подбирать булавку с ковра. Моя бабушка делала это бесподобно.

По моим наблюдениям, наркотики — от

крепкого чая до морфия — и алкогольные стимуляторы — от пива до бренди — притупляют острие самокритики и заставляют человека довольствоваться значительно меньшим, чем то, на что он способен в трезвом состоянии.

Я не пью и не курю, и, когда обстоятельства вынуждают меня к безделью, впору хоть в жулики определяться от скуки...

У меня такой несчастный характер, что, окажись я даже в раю, сейчас же стану искать себе дела, чтобы в поте лица заслужить свою радость. Скажем — один небесный вечерний час ценой двухнедельного тяжкого труда.

Ошибка предполагать, что разница между мудростью и легкомыслием определяется физической старостью и физической молодостью; некоторые люди и в шестьдесят лет моложе, чем другие в шестнадцать.

Понимаете ли, мне исполнилось 68 лет. В моем распоряжении еще два года молодости, так что надо спешить...

Я никогда не был социальным клоуном... Я заботился только о своей миссии, как я называю ее, и о моей работе. А моя работа — мыслить о том, что немислимо.

В моей жизни не было героических прик-

лючений и событий. Я сам был событием. Все, что происходило со мной, принимало форму книг и пьес. Читайте их, и вы узнаете всю мою историю. Остальное — это только завтраки, обеды, ужины, сон, пробуждение, умывание, — распорядок точь-в-точь такой же, как и у всех остальных.

Со мною так: я не всегда спохватываюсь, что во мне что-то переменялось, и знай гну свою линию, а уж она сама выталкивает меня повыше.

Я не признаю никаких иллюзий — кроме приятных, хотя я еще не старик, но уже общился к вечной мудрости...

Когда люди спрашивают меня, что происходило в течение прожитой мной долгой жизни, я отсылаю их не к подшивкам газет и не к свидетельствам авторитетов, а к романам Эптона Синклера. Мне возразят, что герои его книг никогда не существовали, что их поступки никогда не были совершены, что их высказывания не произносились на самом деле. Я же их уверяю, что они были и что Эптон Синклер индивидуализировал их, придал их действиям большую отчетливость по сравнению с тем, что было в реальной жизни. Их конкретный опыт, бесформенный и сумбурный, обретает у него значимость и интеллектуальное осмысление.

На девяносто девять и девять десятых процента я такой же точно, как все остальные люди. Поэтому трудно поймать за хвост и разглядеть одну десятую процента, которая и отличает меня от всех.

Большинство людей не замечает баррикады на своем пути, пока не уткнется в нее носом; я же, как человек чрезвычайно умный, вижу ее даже за углом!

Когда в Англии меня однажды пригласили на праздник по случаю дня рождения Шекспира, я ответил, что не праздную даже свой собственный день рождения и зачем мне праздновать день рождения Шекспира. Мой тогдашний аргумент подействовал. Быть может, и на вас, советских писателей, подействует этот аргумент в немного измененном виде: я не праздную даже день рождения Шекспира, так зачем же мне праздновать день рождения Бернарда Шоу?

(Из выступления в Москве).

Тем, что я остался совершенно необразованным человеком, я обязан тому, что никогда не мог читать учебники, и время, которое мне полагалось тратить на чтение учебников, я тратил на чтение настоящих книг — книг, написанных людьми, действительно умеющими писать.

Мой университет состоял из трех дублинских колледжей: Музыкального общества,

Национальной галереи и пригорода Дублина.

Я могу припомнить только один случай, когда ученику пригрозили исключением из школы за не столь тяжкий поступок: юный негодяй поцеловал горничную, а может быть, она поцеловала его, потому что он был красивый юноша. Меня она не поцеловала, и никто не собирался меня исключать...

Когда в 1880 году или около того природа закончила работу над моим образом, тутто и затопорщились вдруг кверху усы и брови и явились раздутые сарказмом ноздри оперного дьявола, на кого я так старался походить в детстве, чьи арии я напевал ребенком.

Меня приглашают в Америку на премьеру. Но если я туда поеду, то стану там настолько популярен, что, чего доброго, изберут президентом, а эдакой скучищи мне не пережить...

Родился ли я безумцем или, наоборот, чересчур здравомыслящим, но мое царство было не от мира сего: одно воображение давало мне жизнь, и легко я чувствовал себя только в обществе великих покойников.

То, что я говорю сегодня, завтра скажет всякий, хотя и не будет знать, откуда пришла к нему эта мысль. И безусловно будет

прав — я и сам никогда не помню, кто натолкнул меня на ту или иную сентенцию: вероятно, — дух времени.

Всегда надо преувеличивать вашу идею до такой степени, чтобы заставить людей подскочить и прислушаться, а также напугать их так, чтобы они начали действовать... Я всегда сознательно поступаю так.

Без малого двадцать лет я держу себя в жесткой узде и благодаря постепенному затуханию природных способностей стал наконец настолько серой личностью, что соотечественники почтили меня званием серьезного человека... Но в иных сферах, наверно, еще смотрят на меня с подозрением.

Чтобы найти покой и не попасть, размечтавшись, под колеса на улице, я зашел в парикмахерскую, совершенно забыв, что только накануне постригся, и в результате оказался выкошен наголо. Спихватился я, лишь когда мастер принялся за мои брови, видимо приняв их за дополнительную пару усов, так как они по-мефистофельски загибаются кверху. Словом, меня выстригли до мяса, как фокстерьера...

Больше всего я боюсь напиться допьяна. Быть пьяным — это значит грезить, размякнуть, поддаться любому соблазну, любому обману, попасть в когти женщинам...

Нет такой силы, что заставила бы меня вытерпеть целый вечер компанию джентльменов, жаждущих напиться лишь потому, что иначе они не могут вынести друг друга.

Из трех столиц Париж — самый отстающий город, затем следует Вена, но наиболее современным городом является Дублин, в котором родились я и Оскар Уайльд...

Я знал отлично, что Оскар Уайльд человек гениальный, а он знал, что я — гениальный человек...

Единственное сохранившееся изречение Оскара Уайльда обо мне следующее: «Шоу не имеет врагов, а из его друзей никто его терпеть не может...»

У меня древесная природа. Почему, вы думаете, дуб тянется ввысь и живет дольше человека? Да потому, что он не тратит попусту свою энергию, перебираясь с места на место. От добра добра не ищут!

Когда скрипач играет не так, как указано в партии, или тромбонист ленится сыграть фразу толково, я вскипаю к нему ненавистью, но я с легкостью прощу ему двоеженство...

Я родился в Ирландии, но мой язык — английский язык Свифта.

Англия завоевала Ирландию, так что мне не оставалось ничего другого, как приехать сюда и завоевать Англию...

Мое личное чувство перед лицом вашего великого коммунистического эксперимента является прежде всего чувство стыда за то, что Англия не вступила вместо России на ваш путь.

Счастье никогда не было моей целью. Подобно Эйнштейну, я несчастлив и не хочу быть счастливым...

Против игры на духовых инструментах можно выдвинуть только один аргумент — она немисливо продлевает жизнь... Желание уберечься от туберкулеза, алкоголизма, холеры — словом, хотите бессмертия — выучитесь хорошо играть на тромбоне и дуйте себе на здоровье...

Как четыре тысячи голодающих людей не могут быть в 4000 раз голоднее одного голодающего или четыре тысячи стройных девушек в 4000 раз стройнее одной, так и четыре тысячи певцов не могут в 4000 раз произвести большее впечатление, чем один певец!

В конце концов наши отношения с редактором газеты испортились до такой степени, что осталось одно: договориться, что мы чрезвычайно уважаем друг друга...

Вытерпев долгую нервотрепку фортепианного вечера, я знал один способ остыть и успокоиться: пойти к опытному зубному врачу...

Именно мелочи важны для человека гениального. И когда вы благополучно и радостно возвращаетесь с гор в свой отель, то споткнувшись о вешалку, ломаете нос...

Соскучившись по головной боли, я как-то вечером вспомнил, что давно не был в концерте.

Я был бы гораздо лучше воспитан, если бы мои родители не имели средств держать прислугу.

Я стал вольнодумцем, еще не научившись думать...

Животные — наши друзья. Я ощущаю сильное чувство родства с ними.

«Позвякивая бубенцами на шутовском колпаке», я, как Гейне, заставляю себя слушать.

Ночь тиха, я сижу у камина и держу на коленях пишущую машинку, как матрос свою милую.

Здесь нет ни часов, ни календарей, но теперь уже, наверное, сентябрь. Если нет

еще, подождите до сентября, тогда читайте!

(Из письма)

Я написал новую пьесу, такую необыкновенно умную, что никто ничего в ней не может понять...

(Из письма)

Терпкий дух озорства кипит у меня в каждом капилляре.

Терпеть не могу людей нерешительных — они напоминают мне меня самого!

Чем больше я работаю, тем больше живу.

